

в отношении стратегии, влияние политико-морального состояния масс, влияние техники на формы оперативного и тактического маневра, процесс перерастания мировой войны в войну гражданскую и т. д.—все это получило в труде явно недостаточное отражение.

Таким образом в целом этот труд является лишь обширным фактическим описанием мировой войны в оперативно-стратегическом разрезе. Принимая во внимание, что на русском языке трудов подобного типа нет и учитывая все больший интерес командного состава Красной армии к мировой войне, редакция считает, что, при всех своих недостатках, труд и в этом виде принесет соответствующую пользу. Марксистско-ленинской анализ мировой войны еще ждет своего исследователя.

При столь значительной переработке первого издания и сделанных к нему существенных дополнениях настоящее, второе, издание единственного пока на русском языке общего краткого политико-стратегического очерка мировой войны 1914—1918 гг. представляет собою шаг вперед в отношении содержания по сравнению с первым изданием.

В соответствии с указанными переработкой и дополнениями переработан и дополнен для второго издания атлас схем «Мировая война 1914—1918 гг.», служивший и служащий неотъемлемым приложением и дополнением к этому труду.

*Редакция.*

---

---

## РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

---

# ПОДГОТОВКА МИРОВОЙ ВОИНЫ

---

### ГЛАВА ПЕРВАЯ

## СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЙ ВОИНЫ

---

### ПРИЧИНЫ МИРОВОЙ ВОИНЫ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

С конца XIX в. весь капиталистический мир явственно вступил в новую фазу—*империализм*. Эта фаза в области экономической характеризуется монополистическим перерождением капитализма и гегемонией финансового капитала, в области внешней политики—начавшейся борьбой между важнейшими капиталистическими государствами и их союзами за передел мира, в области военной—бешеным ростом милитаризма на основе гигантского роста производительных сил. Сущность империализма определена т. Лениным следующим образом:

«Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть 1) монополистический капитализм; 2) паразитический или загнивающий капитализм; 3) умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главнейших видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно»—пока война не переделала его,—насчитывают уже свыше *ста*. Вывоз капитала, как особенное характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политическим территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился*»<sup>1</sup>.

Действительно последние десятилетия XIX в. отмечены резкой колониальной экспансией капитализма и разделом всего земного шара между «великими державами». Если в 1876 г. важнейшим колониальным державам принадлежало в Африке 10,8% всей территории, то в 1900 г.—уже 90,4%; в Полинезии в 1876 г.—56,8%, а в 1900 г.—98,9%; и даже в Азии, где кроме Китая, турецких владений, Персии и Японии, почти вся территория была уже поделена к 1876 г. колониальные владения к 1900 г. увеличились еще на 5%, и составляли 56,6%.

---

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч. изд. второе, т. XIX, стр. 301.

Следующая таблица разработанная т. Лениным<sup>1</sup>, как нельзя более ярко, показывает конкретное состояние территориального раздела мира между «великими» державами к 1914 г.

| «Великие» державы      | К о л о н и и |              |          |              | Метрополии |              | Всего    |              |
|------------------------|---------------|--------------|----------|--------------|------------|--------------|----------|--------------|
|                        | 1876 г.       |              | 1914 г.  |              | 1914 г.    |              |          |              |
|                        | км 2          | Жите-<br>лей | км 2     | Жите-<br>лей | км 2       | Жите-<br>лей | км 2     | Жите-<br>лей |
|                        | миллионы      |              | миллионы |              | миллионы   |              | миллионы |              |
| Англия .               | 22,5          | 251,9        | 33,5     | 393,5        | 0,3        | 46,5         | 33,8     | 440,1        |
| Россия .               | 17,0          | 15,9         | 17,4     | 33,2         | 5,4        | 136,2        | 22,8     | 169,4        |
| Франция .              | 0,9           | 6,0          | 10,6     | 55,5         | 0,5        | 39,4         | 11,1     | 95,1         |
| Германия .             | —             | —            | 2,9      | 12,3         | 0,5        | 64,9         | 3,4      | 77,2         |
| Япония .               | —             | —            | 0,3      | 19,2         | 0,4        | 53,0         | 0,7      | 72,2         |
| США . . . . .          | —             | —            | 0,3      | 9,7          | 9,4        | 97,0         | 9,7      | 106,7        |
| Шесть «великих» держав | 40,4          | 273,8        | 65,0     | 523,4        | 19,5       | 437,2        | 81,5     | 960,6        |

|                                                                                            |       |        |     |      |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|-------|--------|-----|------|
| Колонии, принадлежащие не<br>великим державам (Бельгии,<br>Голландии и др. государствам) . | 9,9   | 45,3   | 9,9 | 45,3 |
| Три страны «полуколонии» (Турция, Китай и Персия) . . . . .                                | 14,5  | 361,2  |     |      |
| Итого . . .                                                                                | 105,9 | 1397,1 |     |      |
| Остальные государства и страны .                                                           | 28,0  | 289,9  |     |      |
| Весь земной шар (без полярной области)                                                     | 133,9 | 167,0  |     |      |

С другой стороны воздействие установленного Лениным закона неравномерного развития капитализма и сущность империализма как загнивающего капитализма привели к чрезвычайно сложному процессу развития капиталистических государств в период перед мировой войной. Во-первых, благодаря скачкообразному неравномерному развитию капитализма отдельные более отсталые в капиталистическом отношении страны начали догонять в своем экономическом развитии, а иногда даже перегонять страны передовые (США, Германия, Япония). Во-вторых, рост и консолидация рабочего класса приводили к обострению классовой борьбы. И в-третьих, все более рос протест и стремление к национальному освобождению в отсталых поработанных колониальных странах. Все это в совокупности должно было в высшей степени обострить экономическую и политическую борьбу между важнейшими государствами за гегемонию на мировом рынке и за политическое влияние в отсталых странах.

Поэтому после сравнительно мирного периода, наступившего за полосой буржуазнонациональных и национальноосвободительных войн эпохи промышленного капитализма, приходит новый период войн и революций. Японско-китайская война 1894—1895 гг., где молодой японский капитализм впервые испытывал свою военную мощь, испано-американская война (1898 г.), где Соединенные штаты впервые выходили на мировую империалистическую арену; англо-бурская война (1899—1902 гг.), вызванная хищническими аппетитами небольшой сравнительно кучки авантюристов английского капитализма; наконец русско-японская война, где, в борьбе за преобладание на Дальнем востоке,

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., издание второе, том XVIII, стр. 195.

столкнулись государства, за спиной которых стояли главные силы будущей мировой войны (Англия и Германия),—все это были первые аванпостные стычки, первые предвестники будущего гигантского кризиса капитализма, принявшего форму мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Напряженная международная обстановка обострялась еще тем, что сам империализм начал вызывать национальный и политический подъем эксплуатируемых им отсталых народов, начал будить в них возмущение как против хозяйничанья иностранцев, так и против собственных деспотов. Уже в 1900 г. произошло так называемое «боксерское» восстание в Китае, за которым последовал разгром Пекина отрядами «цивилизованных» государств и тяжелая контрибуция, наложенная ими на китайский народ. А неудачная для России война с Японией и особенно революция 1905 г. вызвали громовые отклики на всем азиатском востоке: революцию в Персии в 1906—1907 гг., в Турции— в 1908 г. и наконец в Китае— в 1911—1912 гг. В то же время первая революция в России содействовала тому обострению классовой борьбы, которое явственно наметилось в XX в. и в Западной Европе, особенно в Англии и Франции. Все это несомненно ускоряло грядущий мировой конфликт.

Уже с конца XIX в., а особенно после русско-японской войны, можно было предвидеть, что центр тяжести этой грядущей мировой войны находится в непримиримых и все возрастающих противоречиях между Англией и Германией, в том, что Германия стала мировой державой, все более опасной для английского экономического, политического и даже морского и колониального могущества. Вот цифры, характеризующие (в миллионах тонн) рост германской тяжелой индустрии по сравнению с Англией<sup>1</sup>:

|                  | Великобритания (с Ирландией)   |         |                                   | Германия                       |         |                                   |
|------------------|--------------------------------|---------|-----------------------------------|--------------------------------|---------|-----------------------------------|
|                  | Среднее<br>за<br>1880—1884 гг. | 1913 г. | 1913 г.<br>в % к<br>1880—1884 гг. | Среднее<br>за<br>1880—1884 гг. | 1913 г. | 1913 г.<br>в % к<br>1880—1884 гг. |
| Каменный уголь . | 156,4                          | 292,0   | 187                               | 51,3                           | 190,1   | 371                               |
| Чугун .          | 8,1                            | 10,4    | 128                               | 3,2                            | 19,3    | 603                               |
| Сталь .          | 1,8                            | 7,8     | 433                               | 0,8                            | 18,3    | 2288                              |

Если прибавить к этому все возросший с конца XIX в. экспорт Германии на мировые рынки, непрерывное увеличение ее торгового и военного флота, ее политическое влияние на Балканах, особенно в Турции, наконец начатую ею постройку Багдадской железной дороги, которая угрожала самым основам Британской колониальной империи, то станет понятным, что вооруженный конфликт между Англией и Германией был рано или поздно неизбежен. Пока у Англии был целый ряд неразрешенных международных противоречий с Францией и особенно с Россией, она не могла взять на себя инициативу войны с Германией. Но вот с 1904 г., урегулировав все свои «недоразумения» с Францией, Англия заключила с ней неофициальный союз, объективно направленный против Германии, а в 1907 г. Россия, потерпевшая поражение в войне с Японией, стала уступчивой и пошла на соглашение с Англией в вопросе о размежевании «сфер влияния» в Средней Азии. Вместе с тем, перенеся снова центр своей внешней политики с Дальнего востока на Балканский полуостров, Россия неизбежно должна была столкнуться с германскими и австрийскими интересами. Так постепенно создавалась дипломатическая основа *Антанты*, т. е. тройственного соглашения Англии, Франции, и России, в котором Англия играла роль главного закулисного вдохновителя<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Наумов, Война 1914—1918, стр. 23.

<sup>2</sup> Этому соглашению предшествовал франко-русский союз, окончательно оформленный в 1893 г., в противовес «Тройственному союзу» Германии, Австрии и Италии.

Кроме основного узла противоречий—между Англией и Германией—были и второстепенные узлы, сильно обострившие международную обстановку и приближавшие вооруженное столкновение. Важнейшими из них были: эльзас-лотарингский вопрос и притязания России на господство над Балканским полуостровом,—в первую очередь над Константинополем и проливами. Развивавшаяся тяжелая промышленность Франции последние годы перед войной особенно остро стала нуждаться в богатейших источниках железа, находившихся в отнятых у Франции в 1871 г. провинциях. Кроме того, став колониальной и морской державой, Германия могла угрожать и колониальным владениям Франции, особенно в Африке. А быстрый рост ее населения тоже пугал Францию, сильно отставшую в этом отношении. Пока у власти стояли во Франции мелкобуржуазные партии, французское правительство не решалось на войну. Но когда с 1912 г. в лице Пуанкаре к власти пришел трестированный капитал, политика Франции стала более агрессивной и оказалась в полном согласии с намерениями Англии и России.

Что касается России, то рост империалистических тенденций в эпоху столыпинщины охватил, как известно, все буржуазные партии до кадетов включительно, которые в вопросах внешней политики оказывали полную поддержку министерству иностранных дел. Если во время русско-японской войны, не затрагивавшей интересов буржуазии в целом, значительные группы буржуазнолиберальной интеллигенции были настроены даже пораженчески, то перед мировой войной кадеты (не говоря уже об октябристах) занимали определенно империалистскую позицию и ориентировались на захватническую политику по отношению к Турции и на неизбежную войну с германской коалицией. К этому же еще с 1907 г., т. е. после соглашения с Англией, вполне определенно готовились и высшие военные круги. Вот что показывал следственной комиссии в Иркутске Колчак:

«Еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну... После долгого и весьма детального изучения, исторического и военно-политического, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя и что эта война должна будет решить в конце концов вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем».

Таким образом совершенно очевидно, что война Антанты против Германии была решена давно и нужно было лишь закрепить организационную роль отдельных держав Антанты в этой войне, а также создать благоприятную дипломатическую и общеполитическую обстановку, которая помогла бы правительствам Антанты одурачивать так называемое общественное мнение и вызывать необходимый им «патриотический» подъем масс.

Предвестником мировой войны были, как известно, балканские войны 1912/13 гг., в значительной мере спровоцированные Россией. Но еще до этого, в сентябре 1912 г., английский министр иностранных дел Грей в личной беседе уверил русского министра Сазонова, что, если бы между Россией и Германией возникла война, «Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому могуществу». В этой же беседе Грей сообщил

Сазонову, что между Францией и Великобританией имеется уговор, «в силу которого в случае войны с Германией Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше, путем высадки войск на материке»<sup>1</sup>.

Итак, с 1912 г. ближайшая перспектива войны, к которой обе коалиции готовились давно (причем с *политической* точки зрения нападающей стороной, пожалуй, была Антанта, ибо ее пугал и ей мешал рост экономического, политического и военного могущества Германии, которую надо было сломить во что бы то ни стало), вырисовывалась с полной отчетливостью, и дипломатические ведомства, равно как и военные и морские штабы обеих сторон делали последние лихорадочные приготовления<sup>2</sup>. Одним из элементов, ускорявших развязку, были внутренние политические мотивы, т. е. необычайное обострение национальной и классовой борьбы. И именно весна и лето 1914 г. были моментом наивысшего напряжения этой борьбы в целом ряде стран.

С одной стороны, в России начался в 1912 г. революционный подъем рабочего класса, выпавшийся в грандиозной, невиданной с 1905 г., стачечной борьбе, носившей притом не только экономический, но и ярко политический характер, и к лету 1914 г. начавший перерастать в зародышевые формы вооруженного восстания: в Петербурге накануне визита Пванкаре к Николаю, имевшего целью договориться о конкретных вопросах будущей войны, появились баррикады. Росла и обострялась и национальная борьба.

С другой стороны, в Англии тоже последние годы перед войной происходил небывалый со времен чартизма подъем рабочего движения, выражавшийся в исключительных по своему объему экономических конфликтах и стачках. К этому присоединилось усиление национально-революционной борьбы в Ирландии, борьбы, которая летом 1914 г. чуть не разразилась гражданской войной. Громадное и ярко революционное рабочее движение происходило весной 1914 г. и в Италии. Во Франции время от времени—последние два-три года перед войной—вспыхивали то рабочие забастовки, то волнения крестьян (особенно виноделов на юге страны), то даже серьезные волнения в войсках.

Само собою понятно, что если Англия и Россия могли в войне искать выхода из внутреннего кризиса, то Германия, наоборот, явно спекулировала на этом внутреннем кризисе в лагере своих противников, тем более что в самой Германии внутреннее положение было более устойчивым. Но и в лагере самой германской коалиции, именно в Австро-Венгрии, шла обостренная национальная борьба, и русское правительство, а также поддерживавшие его внешнюю политику буржуазные партии разжигали эту национальную борьбу, подстрекая чехов против немцев, украинцев («русин») против поляков и другие славянские национальности против венгров.

При этом в странах Антанты наибольшее нетерпение проявляли некоторые правящие круги России, особенно в лице военного ведомства и министерства иностранных дел. Еще в феврале 1914 г. военный министр Сухомлинов поместил в «Биржевых ведомостях» анонимную статью явно провокационного характера, смысл которой был тот, что Россия готова к войне и может

<sup>1</sup> М. Н. Покровский, Империалистская война, стр. 153 и 90—91.

<sup>2</sup> В частности, германский рейхстаг в 1912 г. ассигновал сверхсметно целый миллиард на увеличение армии и усиление ее мобилизационных запасов, а в следующем году во Франции прошел, несмотря на протест значительной части мелкой буржуазии (не говоря уже о рабочем классе), закон о 3-летней военной службе, принятый Германией как вызов.

начать ее в любой момент <sup>1</sup>. Этой воинственной и шовинистической клике, которую в значительной мере поддерживали все буржуазные партии, противодействовала группа крайних правых, сильная своим влиянием на Николая II. Она предупреждала его против разрыва с Германией, которую она считала оплотом «порядка» в Западной Европе, и против риска войны, которая, по их мнению, могла привести к революции, еще более грозной, чем в 1905 г., к революции, где будет поставлена на карту судьба самой династии. Чтобы парализовать это влияние крайних правых вождей черносотенного «Союза русского народа» и «Совета объединенного дворянства», партия войны (как можно было бы назвать блок националистических буржуазных партий, возглавлявшихся министерством иностранных дел) стремилась создать такое политическое положение, при котором у царя не было бы другого выхода кроме войны. Для этого воспользовались теми обязательствами, какие были у царского правительства и у самого Николая по отношению к Сербии. Втянуть Сербию в войну с Австрией, оказать Сербии военную поддержку—значило вызвать войну и со стороны Германии, которая вынуждена была бы поддерживать свою союзницу. А вступление Германии в войну неизбежно, согласно тайным конвенциям Антанты, означало военное выступление не только Франции, но и Англии. И вот с ведома, а может быть и по негласному подстрекательству русского посла в Белграде организуется поддерживаемая правительственными и особенно военными кругами самой Сербии террористическая организация сербских националистов, направленная против известного своим шовинизмом австрийского наследника престола. Организованное таким образом Сараевское убийство и явилось той закулисной игрой, которая должна была вызвать мировую бойню.

Германия, видя политические и военные приготовления в лагере своих врагов, конечно и сама лихорадочно готовилась к войне и не прочь была начать первой, чтобы предупредить подготовительную работу Антанты, военная программа которой к 1914 г. была еще незакончена. Но при этом германские правящие круги и в том числе особенно сам Вильгельм сделали ряд крупных политических ошибок и просчетов. Они слишком понадеялись на чуть ли не немедленную революцию в России, которая произошла действительно, но, как известно, лишь спустя два с половиной года после начала войны. Они не доценили военных и мобилизационных способностей царской России. И наконец Вильгельм был так наивен, что думал, будто Николай не выступит на стороне сербских террористов, не поддержит своим монархическим авторитетом «цареубийц». А коварная политика английского правительства до самого последнего момента внушала германским правящим кругам надежду, что Англия останется нейтральной.

Несколько беспокоило правительства обеих коалиций будущее поведение рабочего класса и социал-демократии, т. е. партий II Интернационала. Как известно, на всех почти конгрессах этого II Интернационала принимались резолюции против грядущей войны, и высказывались угрозы противодействия войне, если она вспыхнет. А на последнем чрезвычайном международном социалистическом конгрессе в Базеле, созванном под угрозой надвигающейся мировой войны, заговорили как-будто недвусмысленным революционным языком.

<sup>1</sup> С другой стороны, около того же времени в германских газетах (точь-в-точь, как в японских летом 1903 г.) писали, что непобедимость России есть фикция, ибо то недовольство, которое царит среди угнетенных национальностей, как и среди масс коренного русского населения, в случае военного поражения России, должно привести к крушению всего режима.

Но это были в большинстве лишь фразы. Ибо даже в Германии, где социал-демократическая партия была наиболее многочисленной, организованной и, казалось, наиболее могущественной, она тоже явственно подвергалась реформистскому перерождению, особенно последние годы перед войной, и этого не могли не чувствовать правительственные круги. Они понимали, что если бы партийная верхушка, как и верхушка профсоюзов, лавно шедшая за реформистами, оказали правительству моральную поддержку в войне или по крайней мере заняли позицию нейтралитета, то благодаря их политическому и организационному влиянию на самые широкие массы пролетариата это создало бы благоприятную политическую обстановку как в тылу, так и на фронте.

В Англии рабочая партия всегда отличалась реформизмом и плелась в хвосте за буржуазным либерализмом. Настроенная более или менее интернационалистски Независимая рабочая партия не пользовалась особенно значительным влиянием в массах. Наоборот, во Франции, где влияние социалистической партии и профсоюзов, в том числе и анархо-синдикалистских, было не особенно велико в широких массах и организационно далеко их не охватывало, даже соглашение правительства с социалистами не гарантировало его от неожиданностей, от революционного брожения в массах, и это внушало правительству и высшему командному составу некоторое беспокойство и представляло ближайшие политические перспективы войны в туманном виде.

Это быть может в некоторой степени повлияло на проявленную высшим командованием французской армии нерешительность и отчасти даже растерянность в первые дни и недели войны (чему конечно также содействовали и воспоминания о 1870 г. и сведения о могуществе германской армии). Зато германский штаб, воспитанный в традициях непобедимости германской армии, после личных переговоров (в последние дни перед войной) с представителями Центрального комитета германской социал-демократической партии, получив заверение в «лояльности» и «патриотизме» партийной верхушки, еще более укрепился в своей самоуверенности и воле к победе.

Вместе с тем все правительства старались создать такую политическую и военную обстановку, чтобы казалось, что именно их страна подверглась нападению и вынуждена обороняться, и таким образом облегчить партиям II Интернационала сделку с их социалистической совестью. В самом деле, известно было, что такие партийные вожди, как Бебель в Германии или Гед во Франции, не говоря уже о Жоресе, предложившем в 1911 г. в своей книге «Новая армия» проект всенародной милиции для защиты страны, утверждали не раз в последние годы перед мировой войной, нескритически перенося политическую обстановку эпохи национальных войн на эпоху империализма, что в случае нападения на их страну они будут защищать свое «отечество».

Главная вдохновительница войны—Англия—прекрасно знала, что «нейтральная» Бельгия, фактически бывшая в лагере Антанты, делается той территорией, через которую двинутся во Францию германские армии<sup>1</sup>, сознательно ждала этого момента, чтобы объявить всему миру и собственным народным массам, что она только теперь решилась на войну для защиты маленькой Бельгии и погрязших международных договоров, для защиты цивилизации, гуманности и демократии от германского варварства, милитаризма.

В результате всех этих политических махинаций создана была нужная правительствам морально-политическая обстановка, «обработано» было соответ-

---

<sup>1</sup> Впрочем, по некоторым вариантам военных планов Англии и Франции они сами должны были первые через Бельгию напасть на Германию.

ственным образом так называемое общественное мнение и социал-демократические партии всех воевавших стран, за весьма небольшими исключениями, покорно и даже с сознанием исполненного долга пошли за колесницей империализма, вовлекая пролетариат своих стран в международную бойню против пролетариев других стран и во славу собственных империалистических хищников.

После Сараевского убийства Австрия предъявила Сербии ультиматум, который сводился в сущности к почти полному уничтожению ее политической и национальной независимости. Так как Сербия, готовая на значительные уступки, не могла принять ультиматума в целом, Австрия объявила ей войну. Германия, игравшая несомненно подстрекательскую роль в агрессивном поведении Австрии, рассчитывала вначале на локализацию конфликта, на то, что разгромом Сербии германская коалиция укрепит свой международный престиж, свою военную мощь и заставит призадуматься своих противников из лагеря Антанты. Но русское военное командование объявило частичную мобилизацию, и это создало непосредственную угрозу войны с Россией. Вильгельм в ряде телеграмм умолял Николая остановиться, пока не поздно, воздействуя на его монархические чувства. Но, когда Николай в последний момент заколебался и задержал общую мобилизацию, военный министр и министр иностранных дел, в полном согласии с послами Антанты, оказали решительное давление на Николая, и всеобщая мобилизация была объявлена. Так началась война Германии против России и Франции, война, к которой, после вторжения германских войск в Бельгию, по заранее обдуманному плану, присоединилась и Англия.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мы видели, какие экономические и политические противоречия империалистических государств вызвали мировую войну и какую роль сыграла политическая подготовка этой войны. Но, как известно, не только «война есть продолжение политики другими средствами», но, говоря словами Ленина, «политика продолжается и во время войны». Сложность внешнеполитической обстановки, необычайное разнообразие и противоречивость интересов как начавших войну стран, так и ждавших своей очереди нейтральных, наконец, как мы знаем, напряженная социально-политическая атмосфера в ряде стран накануне войны, наличие в них обостренной классовой и национальной борьбы—все это придавало политике как движущей силе и одновременно как орудию войны особое значение, все это наиболее ярко выдвигало ее важнейшие задачи уже во время войны: в области международной—*изоляция и разложение противника*, в области внутренней—*политическое укрепление тыла*. И действительно, как перед войной, так и во время ее, до самого конца, мы видим, с одной стороны, неустанную мышиную возню дипломатов обеих коалиций, направленную на приобретение себе союзников или обеспечение нейтралитета тех или иных стран и сопровождающуюся посулами, подкупам, а то и прямыми угрозами. Особенно кипучую деятельность проявляла при этом Англия, которая взялась добиться не только политической, но и экономической изоляции Германии и которой удавалось благодаря ее морскому могуществу подкреплять просьбы и увещания своих дипломатов увесистой угрозой дредноутов и бронированных крейсеров. С другой стороны, продолжалась во время войны та политика разложения противника, которая началась и до войны. Германия рассчитывала не только на революционное рабочее движение в России, но и на восстание в Польше, на присоединение кавказских мусульман к Турции и т. п. и вместе с тем поддерживала ирландских революционных националистов,

сделав даже попытку, уже во время войны, послать им корабль с оружием. Царское правительство свою «славянскую» политику в Австро-Венгрии, как известно, с успехом пыталось использовать и во время войны. Так же вела себя Англия в деле подстрекательства живших в Турции христиан, вербовки среди них шпионов и т. п. Эта же политика социального и национального разложения противника проводилась обеими коалициями и по отношению к пленным. Определенные их группы (ирландцы в германском плену, славяне, особенно чехи,—в русском) ставились в особо привилегированное положение и подвергались специальной политической обработке. Усиленно велась также политическая пропаганда на фронте противника при помощи сбрасываемой с аэропланов специальной литературы. Наконец и Германия, и Россия обещали автономии Польше, которая являлась важнейшим театром на Восточном фронте.

Что касается *внутренней* политики во время войны, то она сводилась к усилению диктаторского характера власти, к почти полной отмене так называемых демократических «свобод», к ослаблению роли парламента, введению строжайшей цензуры и т. п. и одновременно к широчайшей пропаганде—через прессу, церковь, школу, кино, литературу—идей патриотизма, фальсифицированных лозунгов войны и столь же фальсифицированных сведений о противнике. Непримиримы элементы рабочего класса арестовывались, посылались на фронт, вообще всячески терроризировались. А более покладистые элементы оппозиции, в лице верхушки социал-демократических партий и профсоюзов, подкупались неопределенными обещаниями в будущем, приближением к власти, т. е. раздачей министерских портфелей (в Англии, Франции и Бельгии), и т. д. Таким образом создавался внутри «единый фронт», «гражданский мир», «священное единение», причем «вожди» рабочего класса доказывали, что, защищая страну, пролетариат защищает не только «цивилизацию», но и свои завоевания, полученные в результате многолетней борьбы, и все будущее социализма. {

Даже в России, в которой реакционность самодержавного строя, с самого начала войны обнаружила себя с особой силой и неприглядностью, образовался единый фронт от всех социал-оборонческих партий до представителей оголтелых черносотенцев типа Маркова и Пуришкевича. Русский меньшевизм, во всех оттенках, от самых правых оборонцев типа Плеханова и до трескучих фразеров типа Троцкого, совместно с эсерами и др., развернули единый фронт поддержки царского правительства, за войну до полной победы. Эта поддержка позволила царскому правительству безболезненно произвести мобилизацию, а затем в течение трех лет гнать на убой миллионы почти безоружных людей. Поддержка меньшевиков-ликвидаторов дала возможность царскому правительству успешно осуществить мобилизацию промышленности и учинить беспощадную расправу с революционными представителями рабочего класса.

На фоне этого сплошного шовинистического угара только большевизм выступил с единственно правильной последовательной классовой четкой линией борьбы против царизма, против империалистической войны. Уже поведение депутатов большевиков в Государственной думе в первые недели войны показало, что большевики не дадут увлечь себя в предательское оборонческое русло. Гениальная программа, разработанная Лениным, сыграла огромную, совершенно исключительную роль в ходе мировой войны. Лозунги Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую; его неприменимые разоблачения предательства партии II Интернационала; его требования о создании III Интернационала; конкретные указания о создании подпольных организаций революционеров; его пропаганда пораженчества и т. д.,—все это